

Литература XIX–XX вв.

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-225-255

«В наши дни большинство уток
вывозится из Российской империи»:
об одной газетной новости 1844 г.

Вера А. Мильчина

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия,*

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия, vtilchina@gmail.com*

Аннотация. В первой части статьи рассматривается предыстория понятия «утка», применявшегося во Франции и к популярным непериодическим изданиям, сообщавшим о происшествиях (зачастую вымышленных), и к выдуманным новостям, публикуемым в ежедневных политических газетах. По свидетельству разных литераторов, в том числе Бальзака, такие выдуманные новости-«утки» в первой половине XIX в. нередко были связаны с Россией. Во второй части статьи рассматривается одна из подобных «уток», отразившаяся в двух публикациях в газетах «Пресса» (Presse) и «Век» (Siècle) в июне 1844 г. В этих публикациях утверждалось, что император Николай I, в конце мая побывавший с визитом в Лондоне, направится или уже направился оттуда в Париж. В статье объясняется, почему царский вояж в Париж – известие совершенно не правдоподобное и какими причинами было вызвано появление этой «утки» на страницах парижской газеты.

Ключевые слова: французская пресса, газетные «утки», император Николай I, внешняя политика России, русско-английские и русско-французские отношения, Бальзак, Кюстин, королева Виктория, принц Альберт, Эжен Гино

Для цитирования: Мильчина В.А. «В наши дни большинство уток ввозится из Российской империи»: об одной газетной новости 1844 г. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 1. С. 226–255. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-225-255

“Nowadays Most Canards are Imported from the Russian Empire”: on a Piece of Newspaper News in 1844

Vera A. Milchina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia, vmilchina@gmail.com*

Abstract. The first part of the article examines the background of the concept of ‘canard’, applied in France to popular non-periodical publications which reported incidents (often fictional), and to fictional news published in political daily newspapers. According to the testimony of various writers, including Balzac, such fictional news (‘canards’) in the first half of the nineteenth century was often associated with Russia. The second part of the article treats one of these ‘canards’, as reflected in two newspaper publications, ‘Press’ (Presse) and ‘Century’ (Siècle) in June 1844. These publications claimed that Emperor Nicholas I, who visited London at the end of May, went from there to Paris. The article shows why the Royal voyage to Paris could not have taken place and the reasons for the appearance of this ‘canard’ on the pages of the Paris newspaper.

Keywords: French press, newspaper ‘canards’, Emperor Nicholas I, Russian foreign policy, Russian-English and Russian-French relations, Balzac, Custine, Queen Victoria, Prince Albert, Eugène Guinot

For citation: Milchina, V.A. (2021), “ ‘Nowadays Most Canards are Imported from the Russian Empire’: on a Piece of Newspaper News in 1844”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 226–255, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-225-255

Слова в заглавии моей статьи заимствованы из иронического трактата Бальзака «Монография о парижской прессе» (1843):

Происшествия во всех газетах одни и те же. Выкиньте из газет передовицы, и под разными названиями перед вами предстанет одна и та же газета, Газета в истинном смысле слова. Отсюда – необходимость ежедневно делать противоположные выводы из одних и тех же фактов и так или иначе доходить до абсурда – без этого газеты существовать не могут. Именно в разделе «Происшествий» выводятся *Утки*.

Вспомним происхождение этого газетного термина. Некогда человек, который громким голосом сообщал парижанам об аресте преступника, приговоренного к смертной казни, или о том, как этот преступник взшел на эшафот, или о военной победе, или об ужасном

преступлении, продавал за одно су печатный листок, где рассказывалось обо всех этих событиях; этот-то листок на типографском языке и назывался *уткой*. <...> Так вот, сообщения о происшествиях из ряда вон выходящих, чудовищных, невозможных, но подлинных или о случаях возможных, но вымышленных, – тех самых, о которых прежде рассказывали в *утках*, – именуются *утками* и в газетах, с тем большим основанием, что к их сотворению всегда бывают причастны перья. <...> В наши дни большинство уток ввозится из Российской империи. Император Николай так часто становится героев *пуфов*¹, как если бы он был прославленным французом (*пуф* – слово, которым несколько лет назад стали заменять слово *утка*) (Бальзак 2000, с. 350–351)².

Бальзаковский пассаж нуждается в некоторых уточнениях. В самом деле, с конца XV в. во Франции выходили печатные листки большого формата, первоначально посвященные не происшествиям, а важным историческим событиям (в частности, военным действиям). Однако назывались они поначалу не «утками» (*canards*), а «листками по случаю» (*occasionnels*). В XVI в. к реальным новостям прибавились новости вымышленные, фантастические (такие, как регулярно возрождающие известие о чудовищном морском змее), но все-таки главное содержательное отличие «листов по случаю» от песен или памфлетов заключалось в том, что они были

¹ От англ. *ruff* в значении «выдумка». Термин этот был чрезвычайно распространен во французской прессе 1830–1840-х гг.; «пуфами», в частности, называли рекламные сообщения, придуманные для привлечения клиентов.

² О том же пристрастии французских журналистов к вымышленным новостям о России почти одновременно с Бальзаком писал в книге «Париж в 1838 и 1839 году» русский литератор В.М. Строев: «...есть статьи чисто выдуманные, для возбуждения ужаса на бирже или в гостиных. Они называются утками (*canards*). Таких уток всегда две или три в каждом номере журнала. Если нет известий из Испании, редактор выдумывает бунт в Мадриде или раздор в лагере карлистов или победу на имя своего любимого генерала. Когда всех занимал восточный вопрос, утки беспрерывно появлялись о Сирии, смерти султана или египетского паша. Про нас выдумывать всего легче, ибо нас в Париже совсем не знают. И вот обыкновенно журнал выпускает какую-нибудь нелепую историю пленника, жившего в Сибири с 1812 года и вчера возвратившегося во Францию. Тут обширное поле французскому воображению: оно создает какое-то небывалое царство, под именем России, и печатает о нем глупейшие басни. К уткам же надобно отнести описания землетрясений в Америке, пожаров в Азии, самоубийств в Париже и пр.» (Строев 1842, с. 90–91).

посвящены актуальной информации: политическим событиям или природным феноменам (истолковываемым как предвестия и знаки). Появление в 1631 г. первого французского периодического издания – «Газеты» Ренодо – не уничтожило «листки по случаю», хотя она отчасти заняла ту же нишу: к ее регулярным номерам время от времени прибавлялись «экстраординарные» неперiodические выпуски большим тиражом, посвященные полуреальным, полужанровым сенсациям. Мелкие ремесленники и лавочники продолжали читать «листки по случаю», а те заимствовали у газет формат ин-кварто, но в остальном остались прежними, с такой же нечеткой печатью и такими же небрежными текстами, полными орфографических ошибок, опечаток и колоритных деталей.

«Утками» «листки по случаю» стали называть только в начале XIX в. [Séguin 1959, p. 21], по-видимому, потому, что с середины XVIII в. так же начали именовать выдуманные газетные известия, ассоциация же утки с ложными известиями возникла, как считают современные лексикографы, из старинного выражения «продать или отдать половину утки» (*vendre ou bailler un canard à moitié*), что означает «не продать вовсе», т. е. надуть, обмануть³. Утки-листки печатались и распространялись огромными тиражами в

³ Народная этимология давала и еще одно объяснение Газтаном Дельмасом, зафиксированное в очерке о профессиональной деятельности разносчика уток-газет, который, так же как и сами эти листки, назывался уткой (*canard*): «Как правило, человеку-утке всегда сопутствовал кларнет, списанный из бродячего оркестра за плохой звук и дурное поведение. Человек и инструмент, составляя друг другу компанию, шлепали по лужам, барахтались в ручьях и наперебой расхваливали гнусавым голосом *известия по одному су за штуку*. Кларнет, вынужденный проститься с мирной праздностью, яростно протестовал против *внеочередного дежурства* и то и дело издавал те же мелодичные звуки, какие издает лебедь со скотного двора <...> Вследствие чего народ, пораженный сходством музыкальных дарований двух виртуозов: человека и пернатого, стал называть обоих одним и тем же именем утки, а затем, по воле той риторической фигуры, название которой вы отыщете в сочинении Дюмарсе о *тропах*, то же имя было присвоено и печатным известиям» (Delmas 1841, p. 44). Эту же точку зрения разделял и Жерар де Нерваль, который в очерке «Достоверная история утки», опубликованном в первом томе сборника «Бес в Париже» (1845), замечал: «Слышите ли вы эти кричающие звуки, которые сотрясают воздух и режут слух? <...> Таково происхождение слова» [Нерваль 1985, с. 364; пер. Э. Линецкой]. Огромное число других, ничем не доказанных и порой откровенно фантастических этимологий содержится в посвященной «уткам» статье русской Википедии.

течение всего XIX в., а по некоторым сведениям, дожили даже до начала века XX [Heintzen 2013], однако в поле зрения историков они попали только благодаря пионерским работам Жана-Пьера Сегена [Seguin 1959; Séguin 1969], которого его коллега 20 лет спустя назвала «изобретателем жанра» [Perrot 1983, p. 911]. Зато все отлично помнили о существовании таких «уток», которые мы сейчас назвали бы фейками, а именно ложных известий, появляющихся на страницах крупных и мелких газет. В дальнейшем я буду говорить именно об этих «утках», уже не уточняя, что речь идет о фейке, а не о листке.

Понятно, что ни одна газета не состоит полностью из «уток»; вымышленные новости соседствуют на газетных страницах с настоящими и зачастую на первый взгляд мало от них отличаются, особенно если этот «первый взгляд» принадлежит человеку, родившемуся спустя сто с лишним лет после выхода газеты. Летиция Гонон, автор самой на сегодняшний день подробной работы о газетной рубрике «Происшествия» [Gonon 2013], называет несколько способов, помогающих отделить в газете XIX в. подлинную новость от «фейковой». Самый простой – найти у самих создателей «утки» или у их коллег-журналистов опровержение предыдущего сообщения. Однако такие опровержения появляются далеко не всегда. Другой путь – обращать внимание на «фикционализацию», т. е. обилие подробностей, которых журналист заведомо не мог знать (например, рассказ о чувствах убитой и о том, как произошло убийство, хотя при нем никто не присутствовал). Но в случае новостей политических действенным оказывается и еще один способ: изучение политического контекста, который может обнажить явное неправдоподобие газетного сообщения. Именно этот способ и актуален применительно к заметке и статье, о которых пойдет речь ниже. Обе были опубликованы в ежедневных парижских газетах в июне 1844 г., и обе доказывают, что если Бальзак и был не совсем точен, когда излагал историю термина «утка», то, указывая на связь многих «уток» с Россией, он не ошибался.

* * *

Едва ли не самым громким международным событием этого периода стал визит российского императора Николая I в Лондон. Предыстория этого визита такова: с начала 1844 г. в очередной раз стало намечаться дипломатическое сближение России и Англии. В предыдущем году Англию посетил великий князь Михаил Павлович, на придворном балу 11/23 января 1844 г. император поблагодарил английского поверенного в делах за радушный прием, оказанный в Лондоне его брату, и прибавил, что сам тоже с удовольствием вновь

побывал бы в стране, «о которой сохранил самые лучшие воспоминания» (Николай Павлович посетил Лондон в 1816–1817 гг., еще в бытность свою великим князем; см. Татищев 1889, с. 7–8). Почти одновременно британский премьер-министр Роберт Пиль сообщил русскому послу в Лондоне барону Бруннову, что надеется увидеть российского императора в Англии. 19 февраля / 2 марта 1844 г. на ежегодном торжественном обеде Русской торговой компании Пиль произнес речь, в которой выразил надежду на установление «задушевной и постоянной дружбы между Великобританией и империей Российской», и поднял тост за эту «вечную дружбу» (Татищев 1889, с. 10), а затем в беседе с послом Брунновым министр иностранных дел Абердин подтвердил стремление Великобритании к «сердечному согласию» с Россией. Королева Виктория, вначале опасавшаяся встречи с Николаем I, в конце концов отнеслась к предполагаемому визиту российского императора благосклонно. Дипломаты сошлись на том, что наилучшее время для визита – конец мая (позже королева должна была разрешиться от бремени). Император принял приглашение английского двора; точная дата не была установлена, но о принципиальной возможности такой поездки знали уже не только в Лондоне и Петербурге, но и в других европейских столицах, прежде всего в Париже. Между тем для французского кабинета эта весть была весьма неприятной.

Одним из главных вопросов европейской политики 1830–1840-х гг. был вопрос Восточный, а именно судьба Турции⁴. 15 июля 1840 г.⁵ Англия, Россия, Австрия, Пруссия приняли сторону Турции в ее конфликте с египетским пашой, самым могущественным турецким вассалом, пользовавшимся покровительством Франции, и подписали конвенцию, согласно которой Турция и черноморские проливы поступали под коллективную охрану четверного союза европейских держав. Франция, от подписания конвенции отлученная, оказалась в дипломатической изоляции, которую очень стремилась прервать. Правительство Луи-Филиппа и в конце 1830-х, и в начале 1840-х гг. охотно наладило бы дипломатическое сотрудничество с Россией, однако этому препятствовала «глубокая антипатия российского самодержца к режиму Луи-Филиппа» (История 1995, с. 329), которого Николай I считал узурпатором. Поэтому изоляцию Франции и униженное положение короля французов российский император только приветствовал. Франция

⁴ О месте Восточного вопроса в истории русско-французских отношений см.: [Таньшина 2008].

⁵ Здесь и далее в том случае, когда не приводится двойная дата, все даты даются по новому стилю.

охотно сблизилась бы и с Англией, с которой уже договаривалась о «сердечном согласии» вскоре после Июльской революции, когда две страны вместе решали судьбу послереволюционной Бельгии⁶, но Россия ставила своей целью «расстройство и нейтрализацию англо-французского тандема» (Там же, с. 340).

Между тем в сентябре 1843 г. королева Виктория посетила короля французов Луи-Филиппа в его нормандском замке Э (Eu), и это, казалось, склонило чашу весов в пользу англо-французского сближения. Приезд Николая в Лондон призван был изменить положение: Луи-Филипп еще только намеревался отдать королеве визит в 1844 г. (в конце концов это произошло в октябре), а Николай уже был готов его опередить⁷. Понятно, что французское правительство следило за подготовкой визита российского императора с горечью и тревогой. Французскому послу в Лондоне графу де Сент-Олеру министр иностранных дел Гизо, ярый сторонник англо-французского союза, с досадой писал по поводу возможной поездки Николая: «Будьте сдержанны, с оттенком холодности. Люди недоброжелательные или просто насмешливые очень хотели бы, чтобы это путешествие вызвало у нас тревогу или, по крайней мере, досаду. Этого не будет» (Guizot 1864, p. 208).

Николай, как он вообще любил делать, прибыл в Лондон неожиданно. 14/26 мая он приехал в Берлин и, пробыв там несколько дней, направился в Гаагу, а оттуда отплыл в Англию, куда прибыл поздно вечером 19/31 мая, причем в Лондоне извещение о его скором приезде получили только накануне. В Англии император пробыл до 9 июня, а затем отбыл в Гаагу и оттуда в Петербург⁸.

⁶ Само выражение «сердечное согласие» (a good and cordial understanding) применительно к англо-французским отношениям было употреблено британским министром иностранных дел Пальмерстоном в письме к английскому послу в Париже лорду Гренвилу 31 мая 1831 г. (Guyot 1901, p. 260).

⁷ Луи-Филипп хорошо понимал эту подоплеку царского визита в Лондон. Возвратившись из французской столицы, он сказал Виктору Гюго: «Да, меня прекрасно приняли в Англии. Если российский император сравнил прием, оказанный мне, с тем, какой ждал его, ему наверняка было очень неприятно, ведь он тщеславен. Он прибыл в Англию прежде меня, чтобы помешать моему визиту. Это глупо. Ему следовало приехать после меня. Тогда англичанам пришлось бы принимать его так же, как меня» (Hugo 1888, p. 84).

⁸ Политические итоги переговоров, главный предмет которых составлял Восточный вопрос, были по-разному поняты российской и английской стороной. По словам современного биографа Николая, «в ходе

Подробности его визита дотошнейшим образом освещались во французских газетах, черпавших материал из газет английских. Из французской прессы читатель мог узнать о том, что Николай посетил роскошные ювелирные магазины Стора и Мортимера на Нью-Бонд-Стрит, где закупил большой запас «брильянтов, перстней, булавок, браслетов и цепочек» (Presse, 6 июня 1844 г.), что «император весьма почтительно приветствовал нескольких прохожих, которые на его пути через Уайтхолл-Гарденс обнажили головы» (Presse, 7 июня 1844 г.), что он узнал пажа, прислуживавшего ему в Лондоне в 1817 г. (Presse, 8 июня 1844 г.), что он побывал на скачках в Аскоте, обязался ежегодно до самой своей смерти выплачивать 500 фунтов стерлингов победителям скачек и погладил кобылу Malice, первой пришедшую к финишу (Presse, 8 июня 1844 г.; в газете “Journal des Débats” кобыла именуется Miss Alice), что зрители оказали ему восторженный прием и еще множество подобных деталей. Детали во всех газетах сообщаются одни и те же, интонация же, с которой они подаются, зависит от позиции издания: если для «Прессы», главный редактор которой, Эмиль де Жиранден, в этот момент заигрывал с Россией, все, что ни сделал император, – прекрасно, то более левая газета «Век» (“Siècle”) злобно подчеркивает все оплошности императора, например, 8 июня сообщает, что визит в целом получился неудачный, что император начал с неуместного жеста – дал для поцелуя руку начальнику арсенала лорду Блумфельду и вообще на российского визитера обращают меньше внимания, чем на приехавшего в Лондон в те же дни короля Саксонии. 10 июня 1844 г. «Век» продолжает развивать ту же тему:

переговоров 1844 г. в ответ на прямой вопрос, чего желала бы Англия на Востоке, Пиль осторожно ответил, что “Англия ничего не желает для себя из турецкого наследства, но ей необходимо обеспечить свободный путь в Индию через Египет”. Николай I решил, что договоренность о разделе состоялась, хотя на самом деле его намерения только встревожили английское правительство. Когда Министерство иностранных дел России попыталось в письменном меморандуме зафиксировать это “соглашение”, передав его Пилу через барона Ф.И. Бруннова, то ни подтверждения, ни опровержения не последовало. Стало ясно, что император принял желаемое за действительное, хотя почва для дальнейших переговоров еще оставалась» [Высочков 2003, с. 273]. Об обсуждении будущей судьбы Османской империи и политических итогах переговоров между Николаем и английскими министрами см. также: (Татицев 1889, с. 31–41); [Таньшина 2005, с. 175–176].

Российский император, сойдя на берег в Вулидже, самодержавно подавал руку для лобызания и для которого нравы свободной страны – пустой звук, теперь ударился в другую крайность: пожимает руки направо и налево, а обращаясь к солдатам, участвовавшим в Виндзорском смотре, выразился следующим образом: «Мои товарищи английские солдаты, присутствующие здесь в полном вооружении».

Параллельно с описанием визита газеты публикуют «геополитические» рассуждения о его цели и возможных последствиях, причем, как и в рассказе о бытовых подробностях, интонации и оценки зависят от позиции пишущего органа. Но как бы ни относились французские журналисты к политике российского императора вообще и к его приезду в Лондон в частности, для их статей всегда характерны два свойства: все рассуждения носят по преимуществу гипотетический, гадательный характер (включая заметки о том, что станет делать Николай после отъезда из Лондона)⁹; все оценивается с точки зрения выгод или невыгод для Франции.

Гадания начались задолго до приезда императора, возобновились во время его пребывания в Лондоне и продолжились после его отъезда. Так, «Пресса» еще 13 марта 1844 г. сообщала, со ссылкой на «многие немецкие газеты», что «император Николай совершит нынешним летом довольно длительное путешествие по Германии и посетит Вену, Теплиц, Берлин и рейнские провинции» и что «при сей okazji император весьма возможно встретится либо в Берлине, либо в каком-либо прирейнском городе с королевой Викторией».

8 июня, когда император уже находится в Лондоне, «Век» гадает о том, зачем в Лондон к Николаю послан французский художник Орас Верне, лично знакомый с императором (он дважды, в 1836 и в 1842/43 гг., подолгу жил в Петербурге, где был обласкан императором и неоднократно награжден; см. Верне 2008). Со ссылкой на английскую «Times», которая, в свою очередь, ссылается на своего парижского корреспондента, французская газета утверждает, что Верне послан в Лондон с конфиденциальной дипломатической целью – постараться установить добрые отношения между Николаем и Луи-Филиппом, чего якобы желает и королева Виктория. «Век» же со своей стороны возражает: союз Франции и России безусловно противоречит интересам Англии, а сближение Николая с Луи-Филиппом, если оно произойдет, докажет лишь одно: не су-

⁹ Это, впрочем, характерно отнюдь не только для ситуации 1844 г.; все заграничные передвижения коронованных особ (не только российского императора) сопровождаются газетными «предсказаниями» по поводу конечной точки, длительности пребывания и целей визита.

мев запугать французское правительство, его решили обольстить, играя на его тщеславии.

9 июня 1844 г. свой вклад в гадания вносит и «Пресса», выдвигающая свои гипотетические объяснения приезда российского государя в английскую столицу:

Император Николай простится с Лондоном в понедельник утром. Нынче очень многие уверены, что его приезд в Англию был вызван «Запиской» принца Жуанвильского¹⁰. Мнение это не слишком хорошо согласуется с датами. Записка принца Жуанвильского стала известна в Париже 15 мая; в Санкт-Петербург она не могла попасть раньше 23-го; так вот, даже если бы император выехал из своей столицы немедленно после ее прочтения, он мог бы приехать в Берлин только 28 мая или в крайнем случае 27-го вечером, поскольку на дорогу из Санкт-Петербурга он потратил 108 часов. Санкт-Петербург отделяют от Парижа 2700 километров. Самый стремительный курьер смог бы преодолеть их не меньше, чем за восемь дней. Между тем император покинул Санкт-Петербург 22 мая¹¹.

А после окончания лондонского визита продолжают обсуждение дальнейших маршрутов императора: 3 августа 1844 г. «Пресса» со ссылкой на «Ганноверскую газету» сообщает, что император Николай явится при дворе императора австрийского (известие, не имевшее в себе ничего невозможного, но на проверку оказавшееся ложным: Вену Николай посетил в конце 1845 – начале 1846 г. на обратном пути из Рима).

В обсуждении же визита все, как уже было сказано, оценивается с точки зрения пользы или вреда для Франции. «Век» 6 июня восклицает: «Да сумеет присутствие императора Николая в Англии, да сумеет уверенность, что он явился туда лишь ради плетения макиавеллических интриг против Франции, пробудить наконец тот национальный дух, который в один миг может разрушить систему, служащую источником нашего позора и ведущую нас к гибели!» (имеется в виду миролюбивая политика Луи-Филиппа, избегавшего военных вмешательств в международные дела).

«Конституционная» (“Constitutionnel”) 7 июня 1844 г. обвиняет во всем неуклюжую политику французского министра иностранных дел Гизо: при виде ее и у английского премьера лорда Пилиа, и

¹⁰ В этой записке принц Жуанвильский, третий сын Луи-Филиппа, констатировал, что парусный французский флот сильно отстал от парового британского.

¹¹ А в Берлин, как сообщала та же «Пресса» 2 июня и как уже было сказано выше, он прибыл 26 мая.

у российского императора возникла одна и та же мысль – почему бы не попробовать сблизиться и завоевать взаимные симпатии? И все это полностью разрушает те надежды, которые появились у французского правительства после визита королевы в замок Э:

Говорят, что французский король скоро посетит английскую королеву на острове Уайт. Легко понять, что король не может не ответить на визит, нанесенный ему английской королевой несколько месяцев назад. Этого требуют правила приличия и учтивости по отношению к молодой женщине и вдобавок королеве. Жаль только, что король французов посетит королеву следом за российским императором; почти одновременные визиты имеют вид соперничества, который может польстить Англии, но обоим августейшим путешественникам чести не делает.

Если «Век» и «Конституционная» в своих гаданиях о причинах приезда Николая и оценке его последствий используют «геополитические» рассуждения ради того, чтобы обличить лицемерие императора, то «Пресса» использует тот же регистр для другой цели – ради того, чтобы доказать: Россия Франции не враг, и потому, как видно из уже приведенных цитат, отзывается о российском императоре крайне комплиментарно.

Фрагменты газетных публикаций (которых, впрочем, могло бы быть много больше) обрисовывают фон, на котором 7 июня в «Прессе», в разделе «Новости и происшествия», между сообщениями об ордене Южного креста, которым бразильский император наградил принцев, сыновей короля Луи-Филиппа, и о выставке промышленных и художественных изделий, открывшейся в Турине, появилась следующая маленькая заметка, также носящая гадательный характер и также напрямую связывающая передвижения российского императора с интересами Франции:

«Гаврский курьер»¹² сообщает следующее известие, за которое несет полную ответственность: «Тем временем Париж вскоре примет Его Величество императора Николая; он должен прибыть с сохране-

¹² К сожалению, я не смогла установить, в самом ли деле в «Гаврском курьере» была помещена подобная заметка, или, что мне кажется более вероятным, «Пресса» просто перекладывает ответственность на местную газету. Впрочем, для моих целей вопрос о «Гаврском курьере» не так важен; меня прежде всего интересует, по каким причинам заметка появилась в «Прессе» и как она соотносится с другими материалами о визите Николая в этой и других французских газетах. Что же касается печатания новостей со ссылкой на другие периодические издания, то оно было в XIX в. распространенной практикой (см.: [Vérilhac 2018]).

нием совершенного инкогнито, под именем графа Сварова; российский посол в Лондоне уже запросил для него паспорт во французском посольстве. Нам нет необходимости сообщать, что паспорт был выдан без промедления. Бесспорно, из всех поездок императора Николая эта оказалась бы одной из самых полезных. Он увидел бы своими глазами страну, которую пристрастные речи врагов правительства, основывающих свои самые пылкие надежды на чужеземной поддержке, начиная с 1830 года неизменно изображали как источник всех зол.

Перед нами блестящее подтверждение уже процитированной фразы Бальзака: «Император Николай так часто становится героем *пуфов*, как если бы он был прославленным французом». К числу таких пуфов явно относится и эта «сенсационная новость». Впрочем, человеку, не слишком искушенному в политике и незнакомому со всеми ее механизмами, известие это, на фоне многочисленных сообщений, гаданий и умозаключений о планах российского императора, которые появлялись в начале июня на страницах парижской прессы, могло показаться не таким уж неправдоподобным.

Ведь и в Лондон император нагрянул сравнительно неожиданно; французские газеты постоянно подчеркивали эту внезапность передвижений Николая и по Европе, и даже внутри Лондона. 7 июня в том же номере «Прессы» сообщалось, например: «В понедельник утром, после завтрака, Его Императорское Величество Николай отправился осмотреть зоологический музей. Никто не был предупрежден о его внезапном приезде, и в музее находились лишь обычные служители». А из недавно вышедшей в свет и пользовавшейся чрезвычайной популярностью книги Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» (о которой подробнее см. ниже) французские читатели узнали о большой и даже чрезмерной любви российского императора к путешествиям (см.: Кюстин 2020, с. 202, 864–865). Указание на «фикциональность», которая, как говорилось выше, может служить отличительным признаком «утки», – это упоминание графа Сварова (Swaroff), под именем которого император якобы посетит Париж; фамилия эта сугубо литературного происхождения – в таком варианте в некоторых французских и английских изданиях фигурировала фамилия генералиссимуса Суворова (см., например: Jones 1830, pp. 17, 32–33). Впрочем, у таких поездок царственных особ или членов царственных фамилий под вымышленным именем были прецеденты: в 1782 г. великий князь Павел Петрович с супругой путешествовали по Франции под именами графа и графини Северных, а сам Николай плыл на пакетботе в Англию под именем графа Орлова (хотя настоящий граф Алексей Федорович, друг и доверенное лицо императора, сопровождал его

в поездке) [см.: Lincoln 1989, p. 222]. Однако в Англии император выступал уже под собственным именем (хотя исследователи зачастую утверждают обратное, см.: [Таньшина 2018, с. 157]).

Но главное указание на то, что новость о визите Николая I в Париж выдумана, дает политический и биографический контекст. Как уже говорилось выше, российский император не любил «июльскую» Францию, а главное: не любил правившего там короля Луи-Филиппа. Нелюбовь эта была, напомним, так сильна, что даже своему брату великому князю Михаилу Павловичу и сыну великому князю Александру Николаевичу, которые во второй половине 1830-х гг. путешествовали по Европе, император въехать во Францию не позволил. Николай не скрывал своего отношения к «июльской» Франции и во время общения с английскими государственными деятелями в Лондоне. Барон Стокмар (неофициальный управляющий английского двора в первые годы совместной жизни королевы Виктории и принца Альберта) в своих мемуарах приводит со слов английских министров реплику императора: «...я крайне дорожу мнением англичан; но я не забочусь о том, что говорят обо мне французы, мне плевать на их слова» (цит. по: Татищев 1888, с. 37), причем Татищев прибавляет, что «своеобразные обороты, свойственные государю, не оставляют сомнения в подлинности означенных речей его» (Там же, с. 35). Хотя лорд Абердин и убеждал французского посла в Лондоне графа де Сент-Олера, что Николай не питает никакой личной неприязни к французскому королю и осуждает лишь революционные истоки его правления, реальность не подтверждала это мнение. Характерно, что ни в разговорах с Сент-Олером, ни в беседах с королевой Викторией император ни разу не упомянул Луи-Филиппа, а когда разговор зашел о французском короле, запнулся и переменял тему (Guizot 1864, p. 210–211). Общеизвестно, что в переписке он никогда не называл его братом, как других европейских монархов.

Однако все это – знания, доступные позднейшим историкам, ординарному же потребителю газетных новостей 1844 г., не осведомленному о всех тонкостях отношений между монархами, известие о грядущем приезде Николая в Париж могло показаться хотя и удивительным, но не совсем невероятным, т. е. не «уткой», а потрясающей сенсацией. Ведь, как уже было сказано, все геополитические рассуждения в связи с визитом Николая сводились к вопросу о том, кого будет связывать с Россией «сердечное согласие»: Англию или Францию? И визит Николая во Францию мог бы дать на этот вопрос совершенно новые ответы.

Визит этот, как мы знаем, не состоялся и не мог состояться. Зачем же «Прессе» потребовалось выпускать на свою страницу подобную «утку»?

По всей вероятности, все дело тут в позиции «Прессы» по отношению к России в этот период. Эмиль де Жирарден, создатель и главный редактор этой газеты, был человеком гибким. В 1844 г. он еще не перестал поддерживать французский кабинет (охлаждение наступило в следующем году – Sirven 1866, р. 121–132), но в то же самое время надеялся получить денежные субсидии от России, которая негласно финансировала некоторые французские газеты; посредником при этом выступал Яков Николаевич Толстой, живший в Париже номинально как агент Министерства народного просвещения, а фактически – как агент III Отделения. Жирарден еще в 1842 г. сам «для увеличения своего кредита», по выражению Толстого (Тарле 1937, с. 600), распространял слухи о том, что Россия ему платит, – с тем, чтобы таким образом вынудить российское правительство оправдать эту версию, раз уж она у всех на слуху¹³. Император, впрочем, на шантаж не поддался. Когда в ноябре 1844 г. Толстой прислал в Петербург донесение, где расхваливал «Прессу» и Эмиля де Жирардена за проповедование союза с Россией и нападки на Англию и намекал, что тот нуждается в деньгах, император начертил на полях представленного ему донесения: «За ними [перечисленными Толстым газетами] присматривать, но не давать им важности в собственных глазах» (Тарле 1937, с. 606–607).

В 1844 г. и до приезда Николая I в Лондон, и во время его визита на страницах «Прессы» появляются материалы, крайне почтительные по отношению к России. 16 мая 1844 г. газета восхваляет «графа Бенкендорфа – одного из генерал-адъютантов императора, председателя Попечительного о тюрьмах общества» и провозглашает, что «человеколюбие, забота, милосердные намерения людей, которые в России возглавляют управление тюрьмами, составляют удивительный контраст с безжалостными доктринами тех, кто во Франции поддерживают догмат о врожденной порочности», а самого императора 9 июня 1844 г. описывает, по материалам английской прессы, захлебываясь от восторга:

¹³ О сложной политике шантажа, которую вел Жирарден, дает представление публикация в его собственной газете 14 декабря 1844 г. Из Парижа в немецкие газеты попало известие, говорится в этой статье, что «Пресса» состоит на довольствии у России (и у Испании), и приводятся даже точные цифры бюджета. «Пресса» называет это клеветой, но комментирует двусмысленно и лукаво: если это ложь (а это ложь), значит, наша позиция независимая и бескорыстная, а если правда, значит, император вовсе не питает такого отвращения к сближению с Россией, какое ему приписывают наши противники и в каком они упрекают нас.

Император, сколько можно судить, отличается отменным здоровьем. <...> Он был предметом всеобщего восхищения. Природа и фортуна сделали его самодержцем. Его по справедливости называют красивым мужчиной. Он высок ростом, упитан и хорошо сложен. Черты лица правильные, хотя и суровые; усы густые, а взгляд живой. Ссылка?

Да и все остальные материалы о визите императора, частично приведенные выше, выдержаны в исключительно благожелательном тоне¹⁴.

Таким образом, заметка о якобы близящемся приезде Николая I в Париж объяснялась, как можно предположить, стремлением Жирардена сделаться своего рода посредником между теми французскими кругами, которые выступали за мирное франко-русское сотрудничество, и Россией; именно с этой целью он намекает, что никакой непроходимой грани между николаевской Россией и «июльской» Францией нет, что Франция оклеветана «врагами правительства»¹⁵ и что стоит российскому императору ступить на фран-

¹⁴ Впрочем, заигрывание с Россией не должно было мешать сиюминутным коммерческим интересам Жирардена, и в том же номере от 4 июня, где сообщается о прибытии императора в Англию и о «великолепном и роскошном приеме», который ему готовят в Букингемском дворце и в Виндзорском замке, помещена реклама книги Фредерика Лакруа «Российские тайны», сулящая раскрытие «всего, что политика российского правительства стремится скрыть от мира», и обещающая содержание вполне «русофобское». Ожидания эти книга вполне оправдала: император там описан как воплощение деспотизма, разжиревший тиран, которого пристрастие к обтягивающим панталонам делает похожим на наездника из Олимпийского цирка, человек без образования, вкуса и такта; Лакруа упоминает даже, что Николай рискует уподобиться отцу и братьям, страдавшим от умственного расстройства (Lacroix 1845, p. 44–45). В 1844 г. книга еще только начинала печататься отдельными выпусками, но два из них к моменту приезда Николая в Англию уже вышли в свет, и по ним вполне можно было судить о направленности книги: первая глава называется «Деспотизм» и в ней центральное место занимает описание наказания кнутом – верный признак антирусской направленности; русофилы об этом старались не упоминать. О книге Лакруа см.: [Таньшина 2020].

¹⁵ Не вполне ясное указание на «пылкие надежды», которые эти враги французского правительства основывают «на чужеземной поддержке», следует, по-видимому, понимать в том смысле, что легитимисты, выступавшие за передачу власти внуку свергнутого в 1830 г. короля Карла X, чернят «июльскую» Францию (легитимистские газеты в самом деле регулярно

цузскую землю, как он сразу проникнется к Франции искренней симпатией. Намекает, впрочем, очень робко: заметка затеряна среди других «Новостей и происшествий» на предпоследней странице, да еще заботливо подстрахована ссылкой на «Гаврский курьер».

* * *

Но заметкой из «Прессы» история с мнимым приездом Николая I в Париж в 1844 г. не исчерпывается. Ту же тему, хотя и с совсем другой интонацией и другим размахом, подхватила другая парижская газета – «Век».

24 июня 1844 / 6 июля 1844 г. чиновник Министерства иностранных дел Владимир Александрович Муханов (1805–1876) записал в дневнике:

Французы думают, что Государь посетил инкогнито Париж. В журнале *Siècle* фельетонист рассказывает, где он был: называет улицы и театры и даже утверждает, что на Итальянском бульваре Его Величество встретился с Кюстином. Наглый клеветник перепугался и, возвратившись домой, поспешил известить о случившемся префекта полиции. Легковерные парижане верят басне и принимают пuffy журналистов за истину! (Муханов 1897, с. 87).

Статья, которую имеет в виду Муханов, в самом деле помещена в «Веке»; вышла она 20 июня и подписана Пьером Дюраном (псевдоним журналиста Эжена Гино, 1805–1861), каждый четверг публиковавшим в «Веке» фельетон в рубрике «Парижское обозрение». Та ее часть, которая касается интересующего нас сюжета, достойна полного перевода:

На прошлой неделе прошел слух, что российский император под охраной самого строжайшего инкогнито находится в Париже. Если есть государь, имеющий возможность действовать под покровом тайны, это бесспорно государь российский. Он может сколько угодно прятаться под густой вуалью; никто из тех, кто его окружает, не дерзнет докучать ему вопросами; одним-единственным жестом, одним-единственным взглядом, одним-единственным словом он принуждает своих слуг и фаворитов сделаться глухими, немыми, слепыми. Известно, как стремительно и сурово карает он малейшую нескромность, поэтому тайну его никто не выдал; дело не пошло дальше смутных слухов, да и те распространялись вяло и с величайшими предосторожностями.

критиковали действия французского кабинета), а надежды свои основывают на поддержке трех северных абсолютных монархий – России, Австрии и Пруссии.

Нынче, когда августейший путешественник уже далеко, новость начинает приобретать чуть большую определенность. Кое-какие подробности прибавились к главному факту и сообщили ему вид исторического анекдота. После своего внезапного отъезда из Лондона царь, как говорят, простился со своей свитой под тем предлогом, что жelaет ее опередить, и покамест все полагали его едущим по дорогам Германии, стремительная перемена направления и попутный ветер привели его к берегам Франции; затем, предъявив паспорт на имя обычного частного лица, самодержец в сопровождении единственного приближенного направился в Париж и поселился в меблированных комнатах.

Русское посольство не шевельнулось; без сомнения, ему были даны соответствующие приказания. Правительство осталось безучастным. – Поступило ли оно так из почтения к инкогнито? Более вероятно, что оно просто не получило никаких сведений о визитере. Русские, живущие в Париже, выказали себя совершенно послушными: никто не выдал своего государя. Прославленный путешественник переоделся, как мог; однако есть люди, которые утверждают, что его узнали; его видели на промышленной выставке; он присутствовал в ложе бенуара на представлении с участием мадемуазель Тальони; дважды обедал у Вери; провел вечер в театре «Варьете»; посетил фабрику Гобеленов, церковь Магдалины, Люксембургский сад, Лувр и собор Парижской богородицы; побывал в Версале и Сен-Жермене; одним словом, сделал приблизительно то же, что делают последние два месяца многочисленные чужестранцы, заплывавшие в наш город. Быть может, и вам несколько дней назад попался на глаза в этой многоликой толпе мужчина сорока восьми лет, роста выше среднего, крепко сбитый и стремящийся скрыть плотную фигуру под чересчур узкой одеждой, шествующий с высоко поднятой головой, имеющий черты правильные, но не слишком выразительные, холодный вид, суровый взгляд и густо нафабранные усы. Так вот, это был он.

Говорят, что визит его оставался в строжайшей тайне, как вдруг все тайное сделалось явным их-за обстоятельства очень простого, но довольно пикантного.

Некий писатель, выдавший в свет довольно дерзкую книгу о России, шел по бульвару Итальянцев¹⁶. Рассеянный от природы, а быть

¹⁶ Речь, разумеется, идет о маркизе Астольфе де Кюстине, который в мае 1843 г. выдал в свет книгу о своем путешествии в Российскую империю «Россия в 1839 году», вызвавшую у императора крайне негативную реакцию; если в России книга была запрещена цензурой, то в Европе она, напротив, имела огромный успех; в ноябре 1843 г. вышло в свет второе издание; в том же 1843 г. появились английский и немецкий переводы

может, от мыслей о новой книге, он едва не налетел на высокого господина, шедшего ему навстречу. Смущенный собственной неловкостью и желая исправить ее изысканно вежливой фразой, писатель поднимает голову со словами:

– Тысяча извинений, сударь...

Но не успел он договорить, как голос его дрогнул, слова застряли в глотке, он замер, разинув рот; взгляд его помутился; он побледнел, пошатнулся и упал бы без чувств на асфальт, когда бы поблизости очень кстати не случилось дерево, на которое он смог опереться.

Писатель узнал самодержца, с которым так дурно обошелся в своем рассказе о путешествии в Россию.

Придя в себя, он с ужасом огляделся. Высокий господин исчез. Тогда, собрав остаток сил, потрясенный писатель подзывает фиакр, едет домой, запирается на все замки и пишет письмо префекту полиции, где сообщает о неожиданной встрече и просит прислать для его охраны пикет пехотинцев и отряд муниципальной гвардии.

Еще во времена г-на де Сартин¹⁷ и очень часто после того случалось, что полиция, всегда превосходно осведомленная о мелких происшествиях, узнавала о крупных слишком поздно. Писатель мог ошибиться: люди, наделенные воображением живым и пылким, подвержены галлюцинациям такого рода; тем не менее дело заслуживало исследования. Полицейские взялись за работу.

В тот же день один министр оборвал шнурок звонка: слишком сильное нетерпение, волнение и гнев охватили Его Сиятельство. Мгновение спустя наемная коляска, запряженная двумя гнедыми лошадьми, имеющими честь перевозить одного из умнейших государственных мужей Франции, выехала со двора министерского особняка, рысью понеслась в сторону церкви Магдалины и остановилась неподалеку от площади Согласия. Кучер и кони знали эту дорогу, имевшую для них прелесть привычки; этим путем они следовали многократно, однако на сей раз в министерской коляске на коричневых подушках восседал воплощенный ураган.

(см.: Кюстин 2020, с. 6–26, 780–786). «Бульвар Итальянцев» – более точный перевод этого парижского топонима, чем общепринятый и употребленный Мухановым перевод «Итальянский бульвар», поскольку бульвар этот был обязан своим названием не Италии, а залу Итальянцев, где давал представление Итальянский театр.

¹⁷ Антуан де Сартин (1728–1801) – начальник парижской полиции в 1759–1774 гг.; о деятельности его подчиненных можно судить по части их донесений, опубликованных в XIX в. (Sartine 1863).

Государственный муж, человек весьма проворный, сам открыл дверцу экипажа, соскочил на землю, не прибегая к подножке, взбежал по лестнице и без доклада вошел в гостиную княгини де***, которая не ждала в этот час его визита. Женщину, искусственную в высокой политике, можно поразить, но нельзя поработить. Впрочем, очень вероятно, что в подобном визите не было ничего необычного. Мы уже видели, что приезд царя в Лондон поссорил министра и знатную чужестранку; они объяснились и примирились совсем недавно¹⁸; но второе предательство подряд нанесло бы министру оскорбление поистине смертельное; итак, если, как следует из весьма вероятных предположений, княгиня была осведомлена о намерениях своего государя и тайне его пребывания в Париже, мы об этом скоро узнаем, потому что в этом случае министр и княгиня поссорятся вновь – и уже навсегда.

До сих пор приезд императора огласки не получил; все свершилось под покровом тайны, и вестовщики вынуждены ограничиваться простыми предположениями; они утверждают, что основывают свои выводы на поведении дипломатов и сдержанности иных русских, которые плохо скрывают свое удивление и выдают себя тем больше, чем больше стараются казаться бесстрастными. Другие, более открытые, настаивают, что прекрасно узнали августейшего путешественника. Ошибка это или мистификация? Или, напротив, чистая правда? Будущее безусловно не замедлит дать нам ответ, но покамест мы сочли своим долгом воспроизвести эти слухи, находящие отзвук в некоторых салонах и пересказываемые некоторыми людьми искренними и убежденными.

Вообще это таинственное путешествие совершенно в духе императора Николая; нет ни одного русского, который бы этого не признал. Исполон веков цари обожали приключения и шли на все, лишь бы удовлетворить свое неумное любопытство. Петр Великий, одевшись плотником, обучался в Голландии искусству строительства кораблей; почему же царю Николаю не переодеться частным лицом, чтобы, не устаивая нас официальным визитом, побывать в Париже? В Лондоне он был скован приличиями; здесь ему наверняка было приятно воспользоваться инкогнито, удобным по нескольким легко угадываемым причинам. Среди прочего инкогнито могло уберечь его от тех тревог, для успокоения которых был ненадолго лишен свободы граф Островский, – тот юный поляк-изгнанник, что посвящает жизнь поэзии и прослыл заговорщиком, так как дерзнул примерить панталоны, сшитые лондонским портным для царя. Если это оскорбление величества, хочется воскликнуть: «И вот где, черт возьми, величество

¹⁸ Об отношениях «министра» и «чужестранки» – Франсуа Гизо и княгини Дарьи Христофоровны Ливен – см. ниже.

укрылось!»¹⁹ Граф Островский утешится от пережитых огорчений, возвратившись в Париж, в те гостеприимные салоны, где прошлой зимой рукоплескали его стихотворному переложению мольеровского «Скупого» и его трагедии «Ягеллоны», которую принял к постановке и представит нынешней осенью «Одеон»²⁰.

Инкогнито должно было также уберечь самолюбие коронованного путешественника от болезненных уколов, какие он, привыкший к угождению русских царедворцев, испытал в Англии: к великому изумлению царя, при английском дворе его встретили на редкость холодно. Преуспел царь только среди актеров. Вид его, манеры, язык неприятно поразили лордов, а главное, леди. В Букингемском дворце и в особняках английской аристократии одержал он мало побед; утешения ради он отправился за кулисы и там очутился в своей стихии. Все были очарованы его вкусом, короткостью его обращения, а главное, обширными познаниями в области театра²¹. Наполеон знал историю

¹⁹ Парафраза изречения, приписываемого Мольеру, который однажды был тронут поразительной щепетильностью нищего: тот решил, что Мольер по ошибке дал ему слишком большую милостыню, и вернул монету. «Вот где укрылась добродетель!» – воскликнул, по легенде, комедиограф (фраза приведена в «Жизни Мольера», выпущенной Вольтером в 1739 г.).

²⁰ Поэтическое переложение прозаической комедии Мольера (1668) Кристиан Островский (1811–1882) издал лишь в 1874 г.; пятиактная стихотворная драма «Ядвига Польская, или Ягеллоны», была поставлена в театре «Амбигю-Комик» в 1850 г. Анекдот о задержании графа Островского за то, что он пожелал примерить царские штаны, уже был опубликован, со ссылкой на английский «Globe», в «Веке» 11 июня. Островский, поляк, участвовавший в восстании 1830–1831 гг., а в 1841 г. выпустивший в Париже новый перевод на французский сочинений другого, гораздо более знаменитого эмигранта – Адама Мицкевича, мог навлечь на себя подозрения российских властей отнюдь не только покушением на царские панталоны, особенно если учесть, что еще накануне приезда императора английские власти опасались провокаций со стороны поляков-эмигрантов (Татищев 1889, с. 16–18).

²¹ Николай I живо интересовался петербургской французской труппой, находившейся в ведении Дирекции императорских театров; он «лично следил за репертуаром и корректировал его: читал пьесы перед постановкой и вносил в них изменения, требовал поручить те или иные роли определенным актерам. Когда был построен Михайловский театр, императорская ложа имела выход за кулисы: отсюда государь отдавал распоряжения для передачи актерам и вызывал их, чтобы высказать свое мнение об их игре» [Сперанская 2008, с. 395]. Один из французских актеров, выступавших в Петербурге, Адольф Лаферьер, в мемуарах определил

всех солдат своей гвардии; он говорил гренадерам: «Ты воевал при Пирамидах; – тебя я видел в Монтенотте; – ты был ранен в Эйлау; – ты получил крест за Фридланд». Царь Николай говорит актерам и актрисам: «Ты дебютировал во Французском театре в 1829 году; – ты пела в Милане пять лет назад; – ты сражался бок о бок с Тальма; – ты впервые удостоилась успеха в Вене в “Сороке-воровке”; – тебе положили десять тысяч дукатов жалования в Неаполе после третьего дебюта в “Лючии”». Разве не изумителен этот великий гений, которому вняты столь мелкие подробности, этот могучий императорский ум, который включает в себе целую драматическую энциклопедию? А главное, как не восхититься его прекрасным ответом Лаблашу!

Желая воспользоваться своим пребыванием в Лондоне, царь предложил Лаблашу великолепный ангажемент на следующий сезон в Санкт-Петербургском Итальянском театре²²; он посулил ему немалое количество рублей, нескольких табакерок, усыпанных бриллиантами, три креста и звание майора. Лаблаш отверг все эти заманчивые предложения, ссылаясь на то, что он уже приглашен в Париж и если разорвет заключенный договор, ему придется выплатить неустойку в сто тысяч франков. На что царь ответил:

«Г-н Нестор Рокплан, директор “Варьете”, отдал сто тысяч франков, чтобы залучить к себе Буффе²³; российский император может позволить себе потратить ту же сумму, чтобы залучить Лаблаша!»

роль царя в театре как «начальника клаки» (Laferrière 1876, p. 314). О покровительстве, которое император оказывает французским актерам, писала французская пресса, причем легитимистская газета «Мода», симпатизировавшая России, использовала этот довод, чтобы доказать, что Николай не татарский деспот, каким рисуют его французские критики русского режима, а просвещенный меценат (Mode 1836, p. 214). 13 июня 1844 г., в своей предыдущей хронике, Гино-Дюран утверждал, что княгиня Ливен, чтобы успокоить Гизо, уверила его, будто Николай и в Лондон поехал не для политических переговоров, в исключительно ради того, чтобы пригласить в Петербург французскую актрису Виржини Дежазе, которая в это время выступала на лондонской сцене.

²² Первые гастрольные выступления оперного баса Луиджи Лаблаша (1794–1858), с середины 1830-х гг. регулярно выступавшего на лондонской сцене, состоялись в 1852 г. Под Итальянским оперным театром подразумевается итальянская оперная труппа, выступавшая с 1843 г. на сцене петербургского Большого каменного театра.

²³ Комический актер Юг Буффе (1800–1888) в декабре 1843 г. перешел из театра «Драматическая гимназия», где с большим успехом выступал с 1831 г., в «Варьете». Нестор Рокплан (1805–1870), журналист, театральный администратор и законодатель мод, руководил театром «Варьете»

При английском дворе не разделяли энтузиазм, вызванный царем за кулисами; желая исправить свои оплошности, августейший визитер, однако, совершил оплошность куда более серьезную. Ему сказали, что джентльмены обожают скачки, — он признался в своей пылкой привязанности к спорту. Между тем как раз пришла пора скачек; царь поспешил объявить, что учреждает приз по этому поводу, и попросил королеву сопроводить его на праздник. Ничто не могло меньше понравиться Ее Величеству королеве и юному королевскому супругу.

Принц Альберт получил образование, подобающее его состоянию; он был воспитан, как бесприданник, мечтающий о выгодной женитьбе; одним словом, его вырастили в согласии с методой, успешно применяемой ко всем отпрыскам плодovитого рода Кобургов²⁴. До восемнадцати лет принц, дабы привыкнуть покоряться женщине, получал уроки не от гувернера, а от гувернантки. Сия наставница научила его кротости и терпению; благодаря ей сделался он гибким, послушным и податливым. К этим главным добродетелям следовало прибавить талант нравиться, который помогает преуспеть в свете и составляет очарование частной жизни: итак, принц научился танцевать, брэнчать на фортепиано, вышивать и петь романсы. Совершенствуясь в этих мирных искусствах, он оставался чужд упражнений, требующих большой физической силы, и освоил верховую езду ровно настолько, насколько нужно, чтобы сопроводить жену на прогулке и не упасть с лошади.

в 1840–1847 гг. Сто тысяч франков — это сумма отступного, которую должен был выплатить Буффе, чтобы уйти из «Драматической гимназии». У Рокплана, хотя он и пригласил Буффе, такой суммы не было, и ее взяли займы у разных друзей актера, о чем он сам рассказал в своих воспоминаниях (Bouffé 1880, pp. 220–227). О Рокплане см.: (Мартен-Фюжье 1998, с. 386–388).

²⁴ Заключенный в 1840 г. брак между английской королевой Викторией и Альбертом, принцем из династии Саксен-Кобург-Гота, был неравным в том смысле, что жена-королева стояла выше мужа; принцем-консортом королева смогла сделать своего обожаемого супруга лишь в 1857 г., а до этого он носил титул Королевского высочества. Участь принца Альберта в 1840-е гг. служила постоянным предметом насмешек недоброжелателей. Так, в вошедшем в сборник «Сцены частной и общественной жизни животных» (1842) рассказе «Путешествие парижского воробья», подписанном именем Жорж Санд, но в реальности написанном Бальзаком, принц Альберт выведен в образе «князя Трутня-Медового», который надеялся стать мужем пчелиной царицы, «ибо происходил из прославленного рода Трутней-Медовых, откуда испокон веков брали мужей для цариц и всегда держали одного наготове, примерно как поджаренного цыпленка для наполеоновских ужинов. Сей князь, все богатство которого сводилось к ярким крыльям, покинул скромный отчий дом, где не было ни цветов, ни меда, и мечтал обрести роскошь, изобилие и почести» (Сцены 2015, с. 251).

В свете случается так, что мужья эмансипируются после свадьбы, особенно если женились совсем молодыми; достигнув вершины благополучия, принц, пожалуй, был не прочь восполнить свое воспитание и привести его в согласие с нравами той страны, куда привели его узы брака, но королева положила предел этим дерзостным поползновениям; ей было угодно, чтобы супруг ее остался верен природному немецкому благодушию, скромным вкусам и добродетельной кротости, каким выучили его в школе Кобургов. Спорт заставил бы его забросить свои обязанности, завязать сомнительные связи, подвергаться испытаниям и тяготам совершенно излишним, – итак, спорт был ему заказан, равно как и все прочие игры. Робко потупив взор, выслушал принц Альберт внушение, сделанное ему королевой на сей счет; он исполнил все с очаровательной покорностью, и ни единого раза имя его не появилось в анналах конских ристалищ. Он не содержит лошадей, не делает ставок, не показывается на скачках; всем джентльменам, состоящим в штате принца и королевы, предписано выказывать столь же полное равнодушие ко всем спортивным упражнениям. Черта эта вызывает в сердцах англичан величайшую досаду; невозможно нанести национальной гордости рану более болезненную. – Правила благопристойности и законы этикета вынудили королеву и принца сопровождать царя на скачки; сделали они это с плохо скрываемым отвращением; в течение всего празднества они выказывали полнейшее безразличие к превратностям соревнований и едва достаивали своего взгляда лошадей самых прославленных. Они не сказали ни единого доброго слова победителям, тогда как император, напротив, выказывал самый горячий интерес, обсуждал технические подробности с наиболее удачливыми спортсменами и сорил деньгами. Известно, что расточительность – один из талантов царя; талант неудивительный в том, чей гражданский лист равняется тридцати шести миллионам, не считая мелких выгод, какие приносят ежегодно конфискация и прочие императорские промыслы. Итак, поведение императора на скачках снискало ему уважение множества джентльменов, но уронило его в глазах королевы и принца, который по должности всегда разделяет мнение своей августейшей супруги.

Приведенный фельетон – не просто очень разросшаяся и, фигурально выражаясь, разжиревшая «утка»; одновременно он принадлежит к тому весьма популярному в этот период во французской журналистике роду, что определяется труднопереводимым французским словом *blague*. Если в современном французском языке этим словом нередко обозначают то, что по-русски называется анекдотом, то в XIX в., говоря о *blague*, имели в виду прежде всего вранье, бахвальство, шарлатанство, рекламу (см.: [Preiss 2002]).

«Вранье» кажется мне наиболее точным аналогом французского *blague* (ср.: [Мильчина 2019, с. 195–197]). В приведенном выше очерке фельетонист подхватывает чужую «утку» и превращает ее в целый фейерверк глумливого «вранья». Причем хотя фельетон формально посвящен русскому царю и его гипотетическому приезду в Париж, «вранье» и глумление в данном случае направлены сразу на несколько объектов.

Первый из них, самый очевидный, – «писатель, выдавший в свет довольно дерзкую книгу о России». Это, как уже было сказано выше, Астольф де Кюстин. Гино и прежде уже случалось упоминать вместе императора Николая I и писателя Кюстина. 5 октября 1843 г. в одной из парижских хроник, которые он сочинял для «Века», он сообщал о российском императоре, что тот,

даром что самодержец, очень сильно озабочен мнением цивилизованных народов и в особенности французов о его империи. Случается, что он принимает самые суровые решения, и рука его, например, берется за перо, чтобы подписать указ о высылке кого-нибудь из подданных в Сибирь, но в то же самое время августейшие губы шепчут: «Что скажут об этом в Париже?» Правду сказать, свою подпись он ставит, как если бы Парижа вовсе не существовало. Книга, опубликованная недавно одним из наших литераторов, больно ранила его царское величество. Дело в том, что сочинение это содержит множество анекдотов, которые превосходят все то, что мы до сих пор слышали самого ужасного и самого татарского. Автора же невозможно заподозрить в недоброжелательстве, ибо он принадлежит к числу легитимистов.

Под «одним из наших литераторов» в приведенном пассаже также безусловно подразумевается Кюстин. После выхода его «России в 1839 году» никакой разговор о России уже был невозможен без упоминания этой на шумевшей книги. Поэтому относительно левый «Век» использует слух о появлении императора Николая в Париже для того, чтобы высмеять и вывести трусом писателя-легитимиста, представителя чуждых этой газете политических взглядов. Характерно, что журналисты, писавшие о визите Николая в Лондон, также не могли обойтись без упоминаний Кюстина, хотя, казалось бы, прямого отношения он к этому не имел. «Пресса» свою процитированную выше похвалу внешности императора в номере от 9 июня заканчивает фразой: «Он прекрасно ездит верхом и не выказывает той робости, какую ему приписывает г-н де Кюстин», а «Век» ссылается на Кюстина в большой политической статье 6 июня: «Вот что весьма многозначительно: император внезапно прибыл к сэру Роберту Пилю, который не ожидал этого визита, сердечно пожал

ему руку и оставил премьер-министра в явном удовлетворении от тайной беседы, впрочем не слишком продолжительной. Николай, который в разговоре с г-ном де Кюстином высказывался о представительном правлении с самым сильным презрением, считал себя обязанным публично отдать дань уважения английским установлениям, почтив неожиданным визитом главу правительства этой страны. Если поступок этот и не искренний, то, безусловно, ловкий»²⁵.

Другая мишень очерка Гино-Дюрана – не названный по имени, но без труда угадываемый министр иностранных дел и фактический глава кабинета министров Франсуа Гизо. В отличие от «Прессы», в описываемый момент в основном поддерживавшей правительство, «Век» стоял на позициях так называемой династической левой, т. е. в принципе выступая за сохранение конституционной монархии, резко критиковал деятельность консервативного кабинета под руководством Гизо и требовал умеренных реформ (*Histoire générale* 1969, р. 118). Гино-Дюран начал глумиться над Гизо и его возлюбленной еще в предыдущем фельетоне от 13 июня, на который он ссылается в процитированном тексте и в котором описана «известная всей Европе нежная и трогательная дружба, связующая одного из наших государственных мужей и чужестранную княгиню, уже много лет как обосновавшуюся в Париже»: «До сей поры ничто не нарушило их добрых отношений, наполовину вскормленных политикой. Эти два сердца и два ума понимали друг друга с полуслова. У них не было секретов друг от друга; они помогали друг другу в выполнении важных миссий – ибо княгиня играет полуофициальную роль в делах государственных: она светило, чьи лучи освещают Север, фея, смягчающая порой горечь отношений дипломатических». И далее Гино описывает горькое разочарование «государственного мужа», внезапно выяснившего, что княгиня заранее знала о поездке императора в Англию, но ничего ему не сказала, поскольку ей «предписали хранить тайну». «Государственный муж» обиделся, ведь он-то ничего от нее не скрывал... Последовал обмен упреками и гневными речами, потом было разбито немало драгоценной фарфоровой посуды, а под конец княгиня приказала лакею проводить гостя. Впрочем, добавляет фельетонист, говорят, что

²⁵ Если разговор императора с Кюстином о представительном правлении в самом деле описан в «России в 1839 году» в письме тринадцатом (Кюстин 2020, с. 233), то упоминание «робости» императора вызывает удивление; по-видимому, журналист приписал императору то качество, которое Кюстин многократно упоминает как свою собственную главную черту; напротив, императора писатель, в полном соответствии с реальностью, рисует как человека властного и уверенного в себе.

по прошествии нескольких дней поссорившаяся пара встретилась в английском посольстве, княгиня пустила в ход свое кокетство и государственный муж, «повинуясь привычке, вновь потянулся к ней, как бабочка к свету».

Для современников все эти намеки были совершенно прозрачны; было ясно, что речь идет о княгине Дарье Христофоровне Ливен (урожд. Бенкендорф; 1785–1857), которая с 1835 г. поселилась в Париже и стала во второй половине 1830-х гг. возлюбленной и советчицей Франсуа Гизо, в ту пору экс-министра народного просвещения и влиятельного депутата (см.: Мартен-Фюжье 1998, с. 214–226; [Таньшина 2009]). Жила княгиня в бывшем особняке Талейрана на улице Сен-Флорантена рядом с площадью Согласия (отсюда упоминание этой площади в тексте); Гизо «бывал там дважды в день» (Мартен-Фюжье 1998, с. 220). Княгиню Ливен во французской прессе неоднократно обвиняли в том, что она служит тайным агентом российских властей в Париже²⁶, а Гизо – в том, что он открывает французские государственные тайны любовнице-иностранке; намеков на это есть и в процитированном пассаже.

Таким образом, насмешки над российским императором используют французским журналистом для атак на собственного министра. Впрочем, и самому российскому императору, как и английскому принцу Альберту, достается в фельетоне не меньше насмешек, причем в рассказах об обоих правда смешана с «враньем»: Николай не приезжал в Париж (хотя в самом деле проявлял в высшей степени живой интерес к театру), а принц Альберт с четырех лет воспитывался не гувернанткой, а гувернером (Grey 1868, pp. 45–46), был хорошим наездником и не питал отвращения к скачкам²⁷ (хотя в самом деле формально занимал подчиненное положение при королеве).

Критическое отношение к Российской империи вообще отличало позицию «Века», который «редко упускал возможность

²⁶ Княгиня, однако, не скрывала, что с 1843 г. переписывается с русским двором и сообщает императрице новости политического характера; напротив, чтобы опровергнуть репутацию шпионки, она открыто рассказывала об этой переписке (Daudet 1910, pp. 372–374); [Таньшина 2009, с. 221–222]. Между прочим, реальная, а не карикатурно-памфлетная княгиня Ливен хорошо понимала, что Франции нечего надеяться на союз с Россией, и выступала за союз Франции с Англией (которую прекрасно знала, так как прожила там 22 года – с 1812 по 1834 г., когда муж ее был послом России в Лондоне).

²⁷ О внимании к ним королевы и принца писала специализированная французская пресса (см., например: Journal 1841, p. 50).

возвысить голос против жестокости и тирании российского императора» (Presse, 6–7 мая 1842), что же касается Эжена Гино, то он и вне газеты охотно обличал деспотическое правление российского самодержца: в том же 1844 г., в марте, он опубликовал в сборнике «Иностранцы в Париже» очерк о русском в Париже (Гино 2018), где российская самодержавная монархия выведена в самом неприглядном виде, как империя тотального надзора за подданными. В финале этого очерка из двух русских героев, проживших год в Париже, барин, граф Лиманов, вынужден вернуться на родину по приказу правительства, а его слуга Иван решает остаться в Париже, и решение это вызывает у барина следующую реакцию: «Пребывание в Париже открыло каждому из нас правду о его истинном положении. Ты, Иван, мой крепостной крестьянин, остаешься там, где тебе хорошо, – ты свободный человек. Я, граф Лиманов, уезжаю помимо воли, – я раб» (Гино 2018, с. 229).

И тем не менее в очерке о приезде в Париж российский император для французского автора – не единственный и даже, пожалуй, не главный объект критики и насмешек, а скорее повод для «стрельбы» сразу по нескольким мишеням – и русской, и английской, и, что особенно важно, французской: высмеиваются и французский министр, остающийся в дураках, и его чаемые союзники – российский и британский.

Мне уже приходилось подробно разбирать две французские газетные «утки» с русским колоритом (обе датируются 1838 г.). Одна – о том, что Николай I якобы запретил светлейшему князю Христофору Андреевичу Ливену, попечителю при особе наследника Александра Николаевича (и мужу княгини Ливен), въезд во Францию в таких словах: «Вы человек слишком хорошего рода, чтобы являться при дворе этого...» (и дальше все газеты, которые обсуждали эту новость, ставили отточие, но было понятно, что слово там было употреблено непарламентское). И вторая, еще более колоритная: о том, что якобы некий русский Иван*** получил 30 000 рублей за составление плана раздела Франции на 18 мелких государств и образование галльской конфедерации под контролем трех северных абсолютных монархий [Мильчина 2017, с. 417–472]. В обоих этих случаях французские журналисты, обсуждая известия, якобы связанные с Россией, выясняли отношения с собственным правительством. Сходным образом, как представляется, обстоит дело и в случае с «уткой» о приезде императора Николая I в Париж в 1844 г. Она, в полном соответствии с диагнозом Бальзака, прилетела из Российской империи (точнее, оттуда не прилетел, а приплыл сам российский император), но мотивирована она была в обоих своих вариантах: утопически-оптимистическом

и памфлетно-глумливом – обстоятельствами внутрифранцузскими. В обоих случаях российский император – не более чем повод. По-видимому, так и происходило чаще всего, когда французские журналисты обращались к русской тематике, а особенно если сообщения их носили вымышленный характер: «утки» с российской окраской требовались французам для решения собственных французских проблем.

Источники

- Бальзак 2000 – *Бальзак О. де*. Изнанка современной истории / Пер. с фр., вступит. ст. и примеч. В.А. Мильчиной. М.: Изд-во Независимая газета, 2000.
- Верне 2008 – *Верне О.* При дворе Николая I: Письма из Петербурга 1842–1843 / Пер., вступит. ст. и коммент. Д. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2008.
- Гино 2018 – *Гино Э.* Русский в Париже / Пер. и вступит. заметка В.А. Мильчиной // *Connaissanceur*. Прага, 2018. Т. 1. С. 207–229.
- История 1995 – История внешней политики России: Первая половина XIX века. М.: Междунар. отношения, 1995.
- Кюстин 2020 – *Кюстин А. де*. Россия в 1839 году / Пер. с фр. О.Э. Гринберг, С.Н. Зенкина, В.А. Мильчиной, И.К. Стаф; Предисл. В.А. Мильчиной. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2020.
- Мартен-Фюжье 1998 – *Мартен-Фюжье А.* Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж»: 1815–1848 / Пер. с фр. О.Э. Гринберг и В.А. Мильчиной. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.
- Муханов 1897 – *Муханов В.А.* Из дневных записок // *Русский Архив*. 1897. Т. 2. № 5. С. 75–94.
- Нерваль 1985 – *Нерваль Ж.* Дочери огня. Л.: Худ. лит., 1985.
- Строев 1842 – *Строев В.М.* Париж в 1838 и 1839 году. Т. 2. М.: Тип. А. Иогансона, 1842.
- Сцены 2015 – Сцены частной и общественной жизни животных / Пер. с фр., вступит. ст. и примеч. В.А. Мильчиной. М.: Новое лит. обозрение, 2015.
- Тарле 1937 – *Тарле Е.В.* Донесения Якова Толстого из Парижа в III Отделение // *Литературное наследство*. Т. 31/32. М., 1937. С. 563–662.
- Татищев 1889 – *Татищев С.С.* Николай I и иностранные дворы. СПб.: Тип. И.И. Скороходова, 1889.
- Bouffé 1880 – *Bouffé H.* Mes souvenirs. 1800–1880. Paris: É. Dentu, 1880.
- Daudet 1910 – *Daudet E.* Une vie d'ambassadrice au siècle dernier. La princesse de Lieven. Paris: Plon, 1910.
- Delmas 1841 – *Delmas G.* Le Canard // *Les Français peints par eux-mêmes*. Т. 3. Paris, 1841. P. 43–56.
- Guizot 1864 – *Guizot F.* Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Т. 6. Paris: Michel Lévy frères, 1864.

- Guyot 1901 – *Guyot R.* La dernière négociation de Talleyrand. L'indépendance de la Belgique // *Revue d'histoire moderne et contemporaine.* 1901. Т. 3. No 3. P. 237–281.
- Hugo 1888 – *Hugo V.* Choses vues. Paris: G. Charpentier, 1888.
- Histoire générale 1969 – *Histoire générale de la presse française* / C. Bellanger, J. Godechot, P. Guiral, F. Terrou dir. Т. 2. Paris: Presses Universitaires de France, 1969.
- Jones 1830 – *Jones P.* Memoirs. Т. 2. London: Simpkin and Marshall, 1830.
- Journal 1841 – *Journal des haras, chasses et courses de chevaux.* Т. 3. Paris: Parent, 1841.
- Laferrière 1876 – *Laferrière A.* Mémoires. Т. 1. Paris: É. Dentu, 1876.
- Sartine 1863 – *Journal des inspecteurs de M. de Sartines.* Première partie. 1761–1764. Paris: Dentu, 1863.
- Sirven 1866 – *Sirven A.* Journaux et journaliste. La Presse. La Liberté. Paris: F. Cournol, 1866.

Литература

- Высочков 2003 – *Высочков Л.В.* Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003.
- Мильчина 2017 – *Мильчина В.А.* «Французы полезные и вредные»: надзор за иностранцами в России при Николае I. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Мильчина 2019 – *Мильчина В.А.* Парижане о себе и своем городе: «Париж, или Книга Ста и одного». М.: Дело, 2019.
- Сперанская 2008 – *Сперанская Н.М.* Петербургская газета “Le Furet” / “Le Miroir” (1829–1833) // Новое литературное обозрение. 2008. № 94. С. 391–406.
- Таньшина 2005 – *Таньшина Н.П.* Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М.: Прометей, 2005.
- Таньшина 2008 – *Таньшина Н.П.* Русско-французские отношения и Восточный вопрос в 1830–1840-е годы // *Россия и Франция XVIII–XX века.* М.: Наука, 2008. С. 148–165.
- Таньшина 2009 – *Таньшина Н.П.* Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М.: КМК, 2009.
- Таньшина 2018 – *Таньшина Н.П.* Самодержавие и либерализм. Эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М.: Политическая энциклопедия, 2018.
- Таньшина 2020 – *Таньшина Н.П.* Русофилы и русофобы: приключения французов в николаевской России. СПб.: Евразия, 2020.
- Gonon 2013 – *Gonon L.* Le fait divers criminel dans la presse quotidienne française du XIXe siècle. Paris: Presses de la Sorbonne nouvelle, 2013.
- Heintzen 2013 – *Heintzen J.-F.* “Le canard était toujours vivant! De Troppmann à Weidmann, la fin des plaintes criminelles, 1870–1939”, *Criminocorpus* [En ligne], Musique et Justice, Portraits d'accusés et figures de criminels en musique, mis en ligne le 26 novembre 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.openedition.org/criminocorpus/2562> (дата обращения 5 апреля 2019).

- Lincoln 1989 – *Lincoln, W.B.* Nicholas I: Emperor and Autocrat of All the Russes. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1989.
- Perrot 1983 – *Perrot M.* Fait divers et histoire au XIXe siècle critiques // *Annales*. 1983. Juillet-août. P. 911–919.
- Preiss 2002 – *Preiss N.* De “pou” à “pschitt”! De la blague et de la caricature politique sous la monarchie de Juillet et après... // *Romantisme*. 2002. No 116.
- Séguin 1959 – *Séguin J.-P.* Nouvelles à sensation, canards du XIXe siècle. Paris: A. Colin, 1959.
- Séguin 1969 – *Séguin J.-P.* Canards du siècle passé. Paris: P. Horay, 1969.
- Vérilhac 2018 – *Vérilhac Y.* On lit (ce) qu'on lit: voix du lecteur professionnel dans la rubrique de revue des journaux au XIXe siècle // *Les voix du lecteur dans la presse française au XIXe siècle* / Sous la dir. de E. Absalyamova et V. Stiénon. Limoges: Presses universitaires de Limoges, 2018. P. 247–265.

References

- Gonon, L. (2013), *Le fait divers criminel dans la presse quotidienne française du XIXe siècle*, Presses de la Sorbonne nouvelle, Paris, France.
- Heintzen, J.-H. (2013), “Le canard était toujours vivant! De Troppmann à Weidmann, la fin des plaintes criminelles, 1870–1939”, *Criminocorpus* [En ligne], Musique et Justice, Portraits d'accusés et figures de criminels en musique, mis en ligne le 26 novembre 2013, available at: <http://journals.openedition.org/criminocorpus/2562> (Accessed 5 April 2019).
- Lincoln, W.B. (1989), *Nicholas I: Emperor and Autocrat of All the Russes*, Northern Illinois University Press, UK.
- Mil'china, V.A. (2017), “*Frantsuzy poleznye i vrednye*”: nadzor za inostrantsami v Rossii pri Nikolaye I [“The French are useful and harmful”: supervision of foreigners in Russia under Nicholas I], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.
- Mil'china, V.A. (2019), *Parizhane o sebe i svoem gorode*: “*Parizh, ili Kniga Sta i odnogo*” [Parisians about themselves and their city: “Paris, or the Book of a Hundred and one”], Delo, Moscow, Russia.
- Perrot, M. (1983), “Fait divers et histoire au XIXe siècle critiques”, *Annales*, juillet-août, pp. 911–919.
- Preiss, N. (2002), “De ‘pou’ à ‘pschitt’! De la blague et de la caricature politique sous la monarchie de Juillet et après...”, *Romantisme*, no. 116, pp. 5–17.
- Séguin, J.-P. (1959), *Nouvelles à sensation, canards du XIXe siècle*, A. Colin, Paris, France.
- Séguin, J.-P. (1969), *Canards du siècle passé*, P. Horay, Paris, France.
- Speranskaya, N.M. (2008), “Peterburgskaya gazeta ‘Le Furet’ ” / ‘Le Miroir’ (1829–1833)” [Petersburg newspaper “Le Furet” / “Le Miroir” (1829–1833)], *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2008, no. 94, pp. 391–406.
- Tan'shina, N.P. (2005), *Politicheskaya bor'ba vo Frantsii po voprosam vnesheinei politiki v gody Iyul'skoi monarkhii* [Political struggle in France on foreign policy issues during the July monarchy], Prometei, Moscow, Russia.

- Tan'shina, N.P. (2008), "Russian-French relations and the Eastern question in the 1830s and 1840s, in Russia and France of the 18th–20th centuries", in *Rossiia i Frantsiya 18th–20th veka* [Russia and France of the XVIII–XX centuries], Nauka, Moscow, Russia, pp. 148–165.
- Tan'shina, N.P. (2009), *Knyaginya Liven. Lyubov', politika, diplomatiya* [Princess Lieven. Love, politics, diplomacy], KMK, Moscow, Russia.
- Tan'shina, N.P. (2018), *Samoderzhaviye i liberalizm. Epokha Nikolaya I i Lui-Filippa Orleanskogo* [Autocracy and liberalism. The era of Nicholas I and Louis-Philippe of Orleans], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia.
- Tan'shina, N.P. (2020), *Rusofily i rusofoby: priklyucheniya frantsuzov v nikolayevskoy Rossii* [Russophiles and Russophobes: adventures of the French in Russia of Nicholas], Evraziya, Saint Petersburg, Russia.
- Vérilhac, Y. (2018), "On lit (ce) qu'on lit: voix du lecteur professionnel dans la rubrique de revue des journaux au XIXe siècle", in E. Absalyamova et V. Stiénon (éds.), *Les voix du lecteur dans la presse française au XIXe siècle*, Presses universitaires de Limoges, Limoges, France, pp. 247–265.
- Vyskochkov, N.V. (2003), *Nikolay I*, Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Вера А. Мильчина, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1, vmilchina@gmail.com

Information about the author

Vera A. Milchina, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993;

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82/1, Vernadskii Avenue, Moscow, Russia, 119571; vmilchina@gmail.com